

Рихтер Святослав

27.01.03.

Праздник откровенности

Изданы дневники Святослава Рихтера

В издательстве «Классика—XXI» вышла книга «Рихтер. Дневники. Диалоги», автором которой значится известный французский мастер документального кино Бруно Монсенжон. Небольшая часть увесистого тома является расшифровкой его знаменитого фильма «Рихтер непокоренный», в котором рассказы о себе великий пианист перемежает чтением отрывков из собственных дневников. Теперь все это богатство может прочесть каждый — семь тетрадей дневников, которые Рихтер вел с 1970 по 1995 год, составляют основную часть книги. В них много острого и шокирующего — хотя речь идет исключительно о музыке.

Екатерина БИРЮКОВА

Триста страниц дневникового текста обрамлены ценнейшими биографическими разделами, автором которых — Рихтер и Бруно Монсенжон. Но даже на этом фоне сами дневники — бесценное сокровище. Меньше всего их стоит считать архивным памятником, интересным лишь узкому кругу лиц. Как любое бесспорное проявление гениальности, они способны увлечь кого угодно.

Дневники представляют собой цельный, далекий от совершенства и абсолютно реальный мир, состоящий исключительно из музыки классической традиции (Рихтер — не пурист: Марлен Дитрих, Нино Рота, Пьер Булез и Лучано Берно сюда вполне допускаются). Музыка звучит в концертах и в записях (своих и чужих), она доносится из радио в машине и из окна соседней квартиры, она сопровождает ужин в ресторане. И вся она удостаивается острого рихтеровского внимания. Ясно, что для Рихтера этот мир гораздо реальнее того, в котором живет подавляющее количество людей (в том числе и многих из тех, что сделали музыку своей профессией) и существование которого он признает с заметным трудом. Характерно его замечание про Владимира Высоцкого — для него явного аутсайдера — после того, как тот вместе с Мариной Влади нанес Рихтеру визит: «Здесь я никак не могу вибрировать, ни в отношении музыки (это просто мусор), ни в отношении слов (это для тех, кто читает газеты). Это мне сверхинтересно и несимпатично. Сам Высоцкий, вероятно, действительно талантлив в своем роде, и толпа за него».

Гораздо притягательнее мир, где нет газет и толпы: «Какая же фантазия бывает у творцов искусства; это смесь кошмаров в восхитительных садах. Это красота рядом со смертью, и все это реаль-

нее, чем наша жизнь». Это написано о «Саломее» Штрауса, но вполне могло бы послужить девизом всей книги.

В своей собственной реальности Рихтер общается с музыкальными произведениями, как с людьми. «После разлуки, длившейся сорок лет, мы вновь встретились — квартет и я. Эта новая встреча опять вызвала во мне то же восхищение, что и в юности. Я рад своему постоянству» — речь идет о ля-мажорном квартете Шумана. Однако в этом мире своя этика, и ее не следует путать с общечеловеческими ценностями. Он не одобряет, когда Бриттен поддерживает слабых композиторов только потому, что те когда-то поддерживали его, и сетует на то, что хорошая певица Галина Писаренко приглашает в свои концерты знаковую пианистку «из чувства верности и благодарности, но у настоящего искусства другие законы, и преступать их не годится».

И еще Рихтер утверждает теплое, праздничное переживание музыки. Праздник легко найти в любимом Гайдне, который «писал музыку для удовольствия. Теперь, в XX веке она остается такой же — нам на радость». И в Бахе, кото-

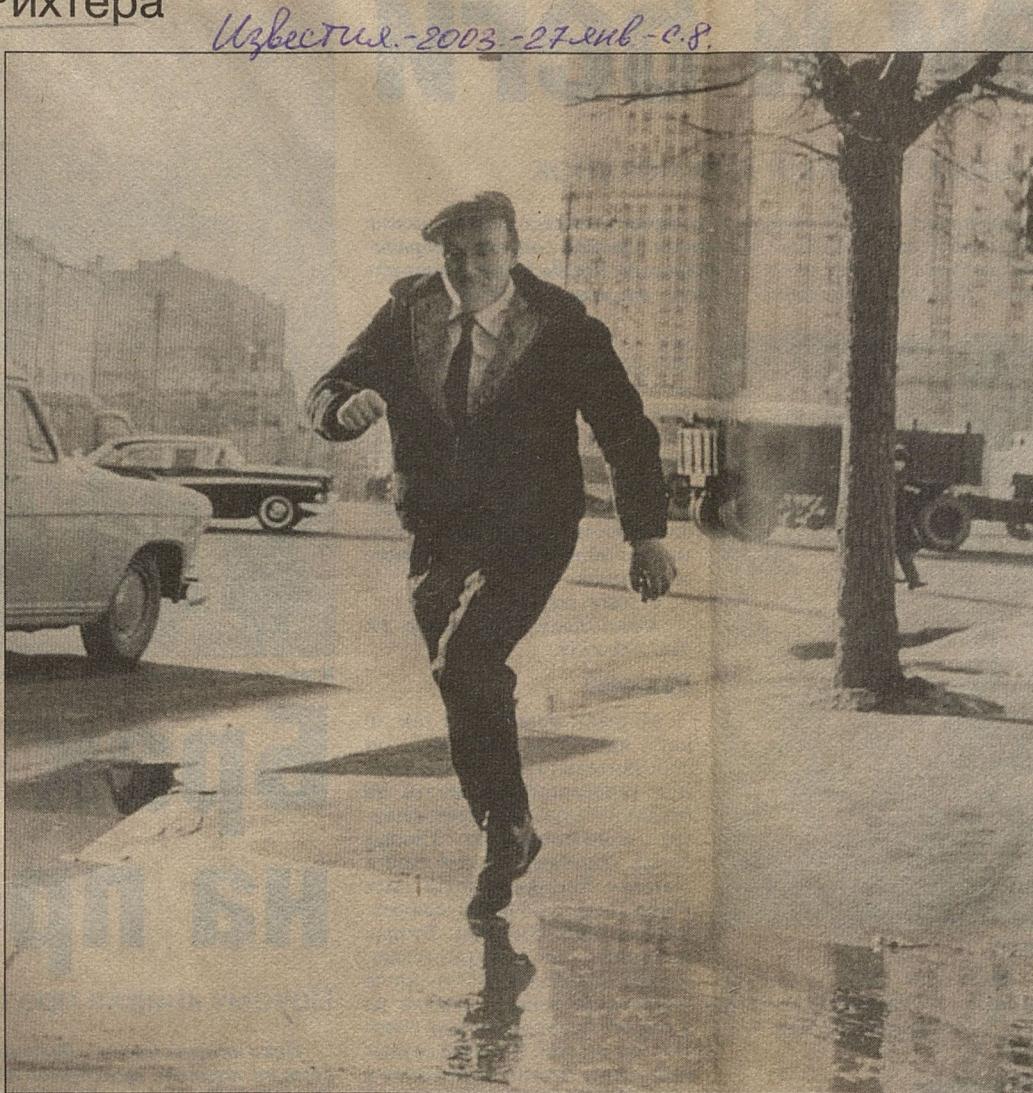

Фото из книги «Рихтер. Дневники. Диалоги»

рого «иногда надо слушать, это даже хорошо с гигиенической точки зрения». И даже в Пятой симфонии Чайковского, сочинении, которое «не следует слушать часто. Оно должно появляться по праздникам, поскольку само олицетворяет праздник. Праздник радости, праздник горя, праздник откровенности гениального музыканта... Ее последняя часть заканчивается шествием триумфальных колесниц».

Рихтеровскую книгу вовсе не обязательно читать сразу от начала до конца. Несколько абзацев в день — вполне достаточно. Там наверняка найдется несколько спорных мыслей, которые стоит перевернуть, или просто ярких афоризмов, которые стоит посма-

ковать. Общеизвестны колкость, меткость и раскрепощенность рихтеровского слова. Им мог бы позавидовать любой взявшийся писать о самом невербализируемом из искусств — о музыке. «Музыка на высоте двадцати девяти километров от уровня моря» — это про песни Брамса и Вагнера. «Прекрасный концерт. Любви к музыке не почувствовал» — это про пианиста Бенедетти-Микеланджели.

Рихтер одинаково велик и когда хвалит, и когда ругает. Неплохую рецензию он выдал после премьеры «Воины и мира» в Большом в постановке Ростроповича и Покровского, такую даже в наше либеральное время сложно представить: «Ну и натерпелись же мы

на этом спектакле... Постановка громоздкая, неудачная и старомодная. Галя Вишневецкая в роли Наташи зла как ведьма. Мазурок (Андрей) поет как на партийном собрании. Пьера даже не помню. Элен — Архипова внешне уж слишком массивна. Батальные сцены совсем не убеждают. Наполеон (Кибкало) просто опереточная фигура».

Есть у Рихтера и другой стиль — игривый, с легкой издевкой. Вот рецензия на «Свадьбу Фигаро» в Зальцбурге: «Очаровательная Грациелла Скиутти — Сюзанна. Неповторимо талантливая Тереза Стратас — Керубино... Реалистичная легкая постановка. Красивые декорации. Нарядно одетая публика. Атмосфера праздника,

«навсегда» установившегося. Перспектива хорошего ужина в «Schlossstube» или в каком-нибудь другом уютном месте».

Рихтер — мастер неожиданных, театральных поворотов, которыми он часто угощает своего предполагаемого читателя (а то, что таковой предполагался, — совершенно очевидно) в финальном предложении. «Про Марию Каллас можно ничего не писать — это единственное, неповторимое явление в искусстве, это само движение, притом движение повелевающее. Она совершенство. «Мнения расходятся», — сказала одна дама, обывательница из Варшавы». Можно ли придумать что-либо более действенное для возвеличивания Каллас, нежели это комичное столкновение ее с варшавской обывательницей?

Ругает Рихтер (в том числе и самого себя) иногда страшно, непонятно, как после выхода этой книги жить некоторым упомянутым в ней людям. Однако он не производит впечатления злобного невротика, скорее это неисправимый романтик, страдающий от несовершенства окружающей его жизни. Разумеется, имеется в виду не обычная мирская жизнь, к ее недостаткам Рихтер как раз относится заметно добродушнее: «Демонстрировал мои новые записи друзьям — они, конечно, хвалили, иначе не бывает... К сожалению...» К тому же Рихтеру грех жаловаться — в этой жизни весело справляют Рождество и Пасху (а в конце восьмидесятых встречают Новый год под четырёхручное переложение Гимна Советского Союза), смотрят Висконти и запросто критикуют то, что не нравится: будь то Большой театр, караяновский Зальцбург или вагнеровское «Кольцо Нибелунга» в легендарной постановке Патриса Шеро. Такое ощущение, что нет никакого совка, железного занавеса, КГБ, диссидентов, пиетета перед европейскими модами, нет другого гения — изъеденного рефлексией Шостаковича, который примерно в это же самое время пишет эзоповым языком свои бессмертные «Письма к другу». Эти две конгениальные друг другу книжки — Рихтера и Шостаковича — вроде бы относятся к одной эпохе. Но только как ни крути, их авторы жили в совсем разных реальностях.